

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Обоз

«По большой дороге ехал обоз; темнело; до деревни оставалось не более двух верст. В поле крутилась сильная метель; ветер рвал с возов рогожи и веретья; лошади ныряли в ухабах, под полозьями сердито ревел снег. На переднем возу закутанный лакей, чтобы согреться, пел песни, то и дело переменяя их...»

**Николай Васильевич
Успенский
Обоз**

По большой дороге ехал обоз; темнело; до деревни оставалось не более двух верст. В поле крутилась сильная метель; ветер рвал с возов рогожи и веретья; лошади ныряли в ухабах, под полозьями сердито ревел снег. На переднем возу закутанный лакей, чтобы согреться, пел песни, то и дело переменяя их. Отставший от обоза мужик с занесенным лицом отпрягал лошадь, а в стороне от него другая лошадь сидела в сугробе, не зная, что с собою делать; между тем возки перегоняли обоз, ямщики покрикивали; вьюга как будто все усиливалась. Обоз иногда останавливался и опять трогался; вдали раздавались понуканья или тянулась с переливами песня, относимая ветром, звенел колокольчик и уходил вместе с мчавшейся тройкой; раздавались крики: «Далеко до деревни?» Ветер по-прежнему выл, и метель заносила дорогу. Много было в эту погоду порвано заверток, побито лошадей и пролито слез...

Вечером вьюга начала затихать; колокольчики слышались яснее. Обоз въехал в деревню.

Около одиннадцати часов ночи в избе од-

ного постоянного двора, при свете ночника, сидели за столом хозяин (дворник) и мещанин в красной рубахе; они собирались спать и лениво пересыпали из пустого в порожнее. Работница стирала со стола. На полатях и на хорах лежал ряд человеческих голов, и раздавалось храпение; некоторые из недавно приехавших мужиков разувались; иные лежа толковали про дорогу, завертки, сломанные оглобли и пр. На печи лакей жаловался, что он отморозил ноги.

– А что, я полагаю, Митрий Егорыч, простуда ведь губит здоровье... – говорил хозяину мещанин, зевая и стуча ножом по столу.

– Губит... Вы про простуду говорите?

– Да... А то раз, я вам не сказывал, мы с Антипом кур ездили покупать: ну, приехали мы к барыне одной, и я ей сейчас начал доказывать, что все мы созданы из одной глины; а нам у ней хотелось подцепить сотенку цыплят...

– Ну, что же она?

– Ничего: обошлось отменно; а что, как вы полагаете, завтра будет метель?

– Господь знает...

– А гудёт шибко! Наступило молчание.

– Что, вы продали своего сивого мерина-то?

– Продал, на Никитской ярмарке.

Снова наступило молчание. Мещанин продолжал стучать по столу и зевать.

– Ах, господи помилуй!.. Так-то живешь, живешь, да и умрешь.

– Недаром смерть пишется – с косою, – прибавил хозяин.

Хозяин и мещанин стали вслушиваться, как на печи кто-то рассказывал:

– У него, я тебе говорил, была только жена, мать да три лошади. И ездил он, этот извозчик, по большим дорогам один, ни с кем в общество не вступал и никого не боялся... Лошади у него были такие, цены нету! Сила у извозчика была непомерная: воз ежели взвалился на косогоре, взял, ухватил и поднял! Грудь была около пяти четвертей в ширину, и добрее человека поискать: нищенка сидит, – сейчас подаст копеечку; а поехал – божественное на уме; всякой Дворник, мужик за один вид его уважали. Деньги он имел; но главное имущество были лошади; сказываю,

животам цены нету!

– А давно это было? – спросил рассказчика лакей.

– Да недавно, тебе говорят.

– Ну, до свидания, – сказал мещанин хозяину, вылезая из-за стола, – пора спать...

– До свидания, – сказал хозяин. Мещанин начал располагаться под святыми, а хозяин пошел за перегородку.

– А вы, Митрий Егорыч, – крикнул мещанин хозяину, кладя себе под голову полушубок, – не знаете, сколько веков прошло от Адама?

– Должно быть, много, – ответил хозяин, – без счет трудно догадаться, надо на счетах это выложить.

– Веков, я думаю, сто двадцать будет?

– Это будет.

– Раз летом, – продолжал рассказчик, – в полдень извозчик этот выехал на крутую гору и отпрег лошадей – кормить. Задал им корму и стал варить кашу. Вскоре к нему подъехали два мещанина и тоже отложили лошадей. Извозчик сидит и говорит мещанам: «Вот, говорит, хорошо бы теперь выпить вина, да по-

близости кабака нету». Один мещанин отвечает: «Давай, я привезу водки!» Извозчик дал ему денег, и водка явилась тотчас. Извозчик угостил мещан, съел на доброе здоровье котел каши и лег под телегу спать; жарко было. Мещане трубочки покуривают, лежат, а всё дивуются на лошадок извозчика. Только на другой горе вдруг, мещане увидали, показалась пыль... едет карета шестериком; так катит под гору-то!

Немного годя из-под горы к мещанам бежит кучер с кнутом, а сам кричит: «Эй, эй, братцы! пособите... давайте лошадей».

Мещане разбудили извозчика. Говорят: «Пойдем-ка, любезный, посмотрим, что там такое? должно, с каретой что случилось». А извозчик пожался так-то и говорит: «Как было я соснул крепко!»

Приходят к мосту, под гору. Стоит большая карета, и спереди и сзади нагруженная; а лошади стоят, повеся головы, и не отдохнут, будто овцы. У экипажа стоит толстый господин; усы до пояса, глаза черные; вокруг пояса у него инструменты, а подле него ходят два маленькие баюрченок.

– Ну, что же вы? давайте лошадей! – закричал господин к народу.

Извозчик, про которого я говорю-то, поглядел на карету, походил кругом нее, да и отвечает:

– Вот что, ваше высокоблагородие, я могу вам пособить, только прикажите ваших лошадей всех отложить; я пойду приведу свою.

– Ладно...

Все думают, как это он хочет изнять одною лошадыю. Годя несколько извозчик ведет лошадь: бурого мерина, и видно, как с горы-то у лошади грудь переваливается; лошадь спокойная, уши вперед держит, глядит на народ.

Подводит извозчик ее к карете, повернул, а хвост у ней словно кушак взвился. Принялись ее запрягать, все в молчанку играют; барин как вкопанный глядит на мерина, даже баюрчатки подбежали – любуются...

А мужицкие лошади стоят в стороне; иная уж легла.

Ну, запрет извозчик... Все глядят, известно...

Слушавший лакей дремал, стараясь, однако, и в полусне уследить за ходом рассказа;

мало-помалу ему под говор рассказчика начала рисоваться летняя большая дорога: стоит карета, вокруг нее народ. Карета поехала; «Прощайте!» – слышатся голоса; лакей вскакивает на запятки и несется... «Ну, вывез!» – шумят голоса. Вдруг лакей бежит по лугу, вдали мелькают разноцветные платья горничных, лакей спешит за ними и тужит, что не захватил с собой балалайки. А вот солнце уже закатывается, и лакей возвращается грустный в барский дом; но на дороге слышит выстрел и останавливается: «А! это барин, должно быть, в утку пробил!»

Вскоре лакей слегка вздрогнул и проснулся; вокруг все было тихо, в избе темно; лежавший с ним рассказчик молчал; по всей избе взапуски разносилось храпенье.

– Иван! – закричал лакей, толкая рассказчика.

– Чего?

– Как чего? Что ж ты замолчал?

– Да я уж все рассказал, вы заснули и пропустили.

– Ну, что же лошадь-то?

– Да я сказал: проезжий господин ее застре-

лил...

– Как? За что?

– Она вывезла тарантас-то; а барин пристал к извозчику: «Продай лошадь!» Извозчик говорит: «Десять тысяч не возьму... Жизни лишусь...» Господин выхватил пистолет и повалил ее...

– Что же извозчик?

– Говорят, уже больше не ездит по дорогам.

Лакей и рассказчик замолчали; они немного послушали, как в трубе гудёт ветер, и заснули. Под окнами хлопали ставни, и на улице изредка слышалось: «Ночевать пожалуйста...»

В избе было как во тьме кромешной; все наповал храпело; у иного в горле такие раскаты раздавались, что представлялось, что кто-нибудь во мраке ночи, подкравшись к спящему, умертвил его.

Рано утром, лишь только пропели вторые петухи, кто-то из мужиков сонным голосом крикнул:

– Эй, вставай, рассчитывать пора!

В избе зажгли ночник.

– Что, как погода-то, ребята?

– Не говори, брат!.. такая-то бушует!

– Как мне быть с своею лошадью-то? Вряд ли доедет... Извозчики разбудили хозяина и мало-помалу начали

собираться вокруг стола, медленно вытаскивая из-за пазухи кошель, висевшие на шее; иные еще умывались, молились богу и старались не смотреть на садившегося за стол хозяина, потому что расчет для них был невыносим. Один мужик стоял у двери и глядел на икону, намереваясь занести руку на лоб, но хлопанье счетов и хозяйский голос смущали его. Мещанин, разбуженный мужиками, с проклятьями переселился на нары, говоря там: «Чтоб вам померзнуть в дороге, горлодёры!»

– Ты сколько с меня положил? – простуженным голосом спросил хозяина извозчик.

– Тридцать копеек.

– Ты копейку должен уступить для меня... Я тебе после сослужу за это... ей-богу...

– А кто это у вас, ребята, вчера рассказывал? – вдруг, смеясь, спросил хозяин.

– Про извозчика-то? – заговорило несколько голосов.

– Да.

– Это вот Иван.

Мужики все несколько ободрились, глядя на усмехавшегося хозяина, и были очень довольны, что он хоть на минуту отвлек их внимание от расчета. Хозяин сделал это для того, чтобы мужики не слишком забивали свою голову утомительными вычислениями, а поскорей рассчитывались.

– Важно, брат, рассказываешь, – сказал хозяин. – С тебя приходится, Егор, сорок две... Нет, у нас был один рассказчик курский... из Курска проезжал, так уморит, бывало, со сме-ху... две за хлеб да сорок... сорок две...

– Евдоким! Нет ли у тебя пятака?

– Ну только, – продолжал хозяин, – с чего-то давно перестал ездить... уж и голова был! еще давай гривенник... За тобой ничего не останется.

...Однако мужики поняли, что все-таки надо соображать и следить за расчетом, хотя дворник завел речь о курском рассказчике. Вследствие этого мужики снова приняли мрачный вид, напрягая все свое внимание на вычисления:

– Егор! погляди: это двугривенный аяи нет?

– Ну-ко... не разберу, пареньь...

– Подай-ко сюда!

– Смотри, малый!

– Это фальшивый!.. у меня их много было...

– Хозяин, ты что за овес кладешь?

– Тридцать серебром. Василий! – сказал хозяин, – ты о чем хлопчешь! Ведь ты с Кондрашкой из одного села?

– Да как же... одной державы... только вот разумом-то мы не измыслим.

– Вы так считайте: положим щи да квас – сколько составляют? восемь серебра. Эх, писаря! Зачем секут-то вас?

– Известно, секут зачем... Ну, начинай, Кондратий: щи да квас...

– А там овес пойдет...

– Овес после... ты ассигнацию-то вынь: по ней будем смотреть...

– Вы, ребята, ровней кошели-то держите... счет ловчей пойдет.

– Не сбивай!.. Э!.. вот тебе и работа вся: с одного конца счел, с другого забыл.

Через час, после нескольких вразумлений

мужикам, хозяин, придерживая одной рукой деньги, другой счеты, вышел вон из избы, оставив всех мужиков с кошельками на шеях за столом.

– По сколько же он клал за овес?

– А кто его знает... Ты ему гляди в зубы-то: он на тебя то напорет, что зазимуешь здесь...

– Вот там!.. Чего опасаться? Ты чихверя-то знаешь? Валяй чихверями... Пиши...

Мужики окружили пишущего.

– Это ты что поставил?

– Чихверю...

– Ну? эта палка что? щи?

– Нет, квас...

– Какой там? Я пишу, что с хозяина приходится?..

– Слушай его!.. Ты, Гаврила, про что давеча мне говорил?

– Да не помнишь, сколько ты у меня взял в Ендове?

– Постой! Я тебе давно говорил, Гаврила, ты восчувствовать должен. На прошлой станции кто платил?

– Ну, ты погоди говорить: сколько за свой товар приказчик дал на всех?

- По гривне.
- Ну, ладно: ты разложи эти гривны здесь на лавке – пойдём сюда к печи...
- Что там делать? А ты мне скажи: ты пил вчера вино?
- Нет.
- Ну, третьеводни?
- Нет.
- Ты бога-то, я вижу, забыл...
- Я, брат, бога помню чудесно...
- Нет, ребята, лучше валяй чихверями; мы его живо обрабатываем! Нарисуй-ко сперва овес...
- Да что вы с ним толкуете; давайте лучше жеребий кинем....
- Для чего жеребий?
- Разведать: может, кто из нас плузует...
- Так и узнал!.. Тут одно спасение в чихверях... Наука, острая!
- Андрей! Сочти мне, пожалуйста.
- Давай. Ты что брал?
- Сено, да ел вчера убоину...
- Ну? а кашу?
- Нет... не ел., что ж...
- А у тебя всех-то денег сколько?..

– С меня приходилось сперва сорок три... а всех денег, что такое?.. Куда я девал грош-то?

– Ну, ты гляди сюда; что я-то говорю: ты убоину-то ел?

– Да про что ж я говорю: жрал и убоину, пропади она!

– Ну, коли так, дешево положить нельзя.

– Что за оказия? Куда ж это грош девался?

– Ребята, будет вам спорить! Бросай и чих-веря и разговоры; пустим все на власть бо-жью!

– Да нынче так пустим, завтра пустим, этак до Москвы десять раз умрешь с голоду!.. По крайности – башку понабьешь счетами, а то смерть! Я тебе головой отвечаю: что чих-верь – первая вещь на свете!

– Ну, ребята, бросай все!

– Бросай!.. провалиться ей пропадом.

– Как провалиться!.. Эко ты!

– Нет, надо считать!.. Как можно!

– Известно, считать... Ай мы богачи какие?

– Ивлий! не знаешь ли: пять да восемь – сколько?

– Пять да восемь... восемь... А ты вот что, малый, сделай, поди острыгай лучиночку и

наделаи клепышков, знаешь...

Мужики в беспорядке ходили по избе, обращаясь друг к другу и придерживая кошель; кто спорил, кто раскладывал лучину; иные забились в угол, высыпали деньги в подол и твердили про себя, перебирая по пальцам: «Первой, другой...» Два мужика у печи сидели друг против друга и говорили:

– Примерно, ты будешь двугривенный, а я четвертак... этак слободней соображать...

Один будил на печи лакея, не зная, что делать с своею головою; другой будил мещанина, который закрывался шубой и крепко ругался, покрывая голоса всех мужиков.

Наконец мужики бросили все расчеты и счета и, перекрестившись, съехали со двора. Недоспавший лакей укутался на возу, ни слова не говоря ни с кем.

На улице было темно; метель была пуще, чем вечером; ветер так и силился снять с мужиков армяки. Верстах в пяти от станции, на горе, один мужик крикнул:

– Эй, Егор!.. А ведь я сейчас дознал, что хозяин-то меня обсчитал.

– И меня, парень, тоже; ты рассуди: четве-

рик овса... да я еще в прошлую зиму на нем имел полмеры... вот и выходит...

– А ты что ужинал?

– Да хлеб, квас и щи.

– Нет, ты вот что возьми, – перебил первый мужик, и начался продолжительный спор.

Вьюга выла немилосердно; от сильного мороза мужики часто закрывали свои лица полами армяков.

Недели через три тот же обоз порожний ехал обратно; дворового человека тут не было. Мужики все изменились за дорогу; у одного был подбит глаз, у другого висела огромная шишка на щеке. В обозе везлись сломанные сани, за обозом бежало несколько незапряженных хромых лошадей в одних хомутах; одна лошадь лежала в санях, накрытая веретем.